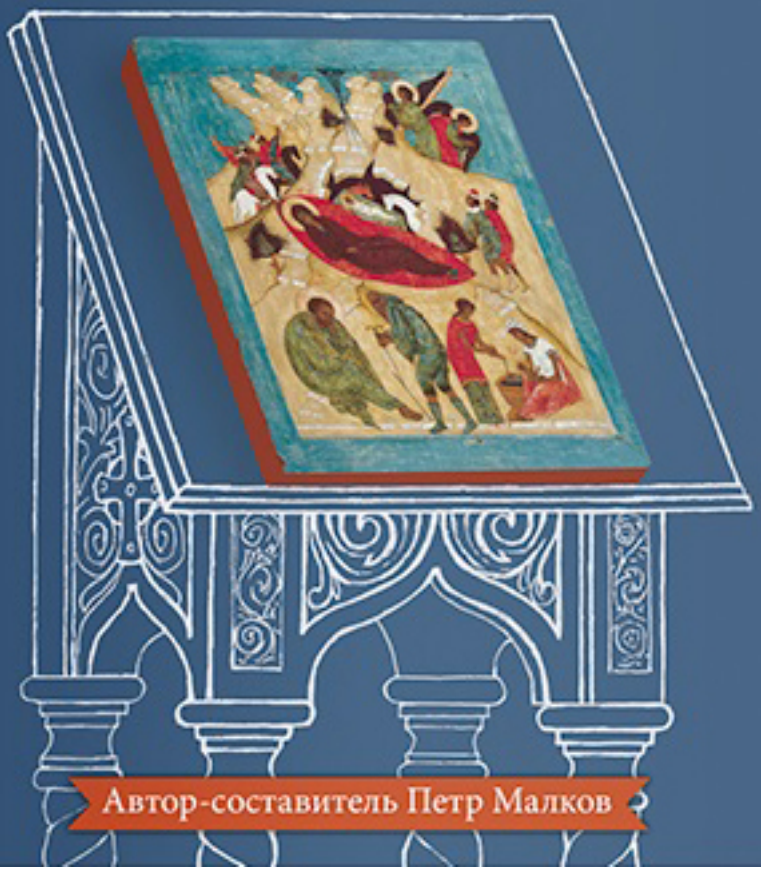
СВЯТЫЕ ОТЦЫ

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКАХ

Рождество Христово



Автор-составитель Петр Малков

Святые отцы о церковных праздниках

Рождество Христово. Антология святоотеческих проповедей

«Никея»
2019

УДК 248.1
ББК 86.372

Рождество Христово. Антология святоотеческих проповедей /
«Никея», 2019 — (Святые отцы о церковных праздниках)

ISBN 978-5-91761-943-9

Антология святоотеческих творений на праздник Рождества Христова включает произведения разных традиций и эпох, византийских, латинских и русских авторов – от святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста до святителя Луки Крымского. Издание предваряет вводная статья П. Ю. Малкова, призванная в ясной и доступной форме познакомить читателя с важнейшими богословскими и нравственными особенностями святоотеческого учения о духовном и нравственном значении этого события.

УДК 248.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-943-9

, 2019
© Никея, 2019

Содержание

«Бог пришел на землю»: Рождество Христово: мир и меч 6
Рождество Христово: жар зимнего Солнца 6
Рождество Христово: евангельский рассказ о событии 8
Церковный праздник Рождества Христова 11
Святоотеческие проповеди на Рождество Христово 15
Величие церковного праздника Рождества Христова: святоотеческое понимание 17
Родившийся в Вифлееме: истинный Бог и истинный Человек 20
Пресвятая Богородица: безмужное зачатие и девственное Рождение 24
«Бог пришел на землю»: причины и смысл события Боговоплощения 28
Рождество Христово: смирение и слава Вифлеемской пещеры 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Рождество Христово. Антология святоотеческих проповедей Автор-составитель Малков Петр Юрьевич

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р18-815-0575

«Бог пришел на землю»: Рождество Христово: мир и меч Петр Малков

Рождество Христово: жар зимнего Солнца

Рождество в России – зимний, холодный праздник. Торжество пришествия Бога в мир она встречает белизной снега, мягкими пушистыми сугробами да голыми ветвями давно растерявших листву деревьев. И лишь зеленые ели – непременный атрибут русского Рождества – напоминают о том, что по прошествии зимы подобной же зеленью вновь украсится вся природа. Пожалуй, именно такое – ледяное, неприветливое Рождество – и может лучше всего явить суть события, происшедшего два тысячелетия назад, когда на свет появился Богомладенец Христос…

Та земля, на которую некогда пришел Спаситель, где родился Господь, – это, прежде всего, жаркая, выжженная солнцем Палестина. Да, она – особенно на территории родной Христу Галилеи – бывает ярко и празднично украшена обширными плодородными полями, раскинувшимися по холмам бескрайними виноградниками, увенчана зелеными вершинами гор.

Но даже эту ее радостную и светлую красоту настойчиво и тесно обступают со всех сторон серые пустыни и обточенные сухими ветрами скалы. Это маленькая и засушливая страна, где самое рядовое для нас, по привычным русским масштабам, Геннисаретское озеро всегда казалось ее жителям самым настоящим морем, а небольшая река Иордан мнилась широким и полноводным потоком.

Конечно же, в природе Святой Земли внешне ничто даже отдаленно не напоминает о снегах и холоде русской зимы, во время которой мы празднуем Рождество Спасителя. Но в те дни, когда в небольшом городке Вифлееме родился Господь, все духовное пространство Палестины оказалось поистине сковано суровым холодом и льдом. И пусть солнце, даже по зимнему времени (Церковь издревле верила в то, что Рождество Христово произошло именно зимой), ярко светило в небе над Иудеей, хорошо прогревая ее землю в дневные часы, – известно, что храмовые пастухи по зиме выгоняли в поле свои стада, – здесь царил иной, совершенно особенный холод: ведь в те времена еврейский народ охладел в своей вере. Та истина, что была некогда открыта Богом Аврааму и Исааку, Иакову, Моисею и многим другим древним ветхозаветным праотцам и пророкам, оказалась ныне подменена «преданиями старцев», ложным пониманием Божественного Откровения, легендами и мифами, заступившими место Истины. Иудейские законничество и начетничество почти полностью вытеснили в богоизбранном народе его прежнюю искреннюю и горячую любовь к Господу. Не лучше обстояли дела с поиском Истины и в окружающем Палестину языческом мире: у аристократии – цинизм или же показное равнодушие к самому понятию живой и неподдельной веры, у романтиков и философов – жажда оккультных переживаний. Кто-то холодно и лицемерно изображал, будто чтит своих богов, дабы продемонстрировать гражданскую и политическую благонадежность по отношению к Римской империи. Кто-то устремлялся на языческие капища и тонул в темной бездне ложных и губительных духовных откровений, мистических переживаний – среди многочисленных адептов вошедших в моду восточных культов.

В эпоху пришествия в мир Христа прекрасное Средиземноморье, как всегда, сияло и искрилось под лучами жаркого южного солнца – но таким был лишь внешний облик того мира. На самом же деле он был скован ледяным холодом богооставленности и оккультизма. Двенадцать месяцев в году в нем царила непреходящая духовная зима.

И вот однажды – в дни правления Римом императора Августа Октавиана – над миром взошло еще одно Солнце: духовное *Солнце Правды* (Мал. 4: 2). Именно это новое Солнце – ставший Человеком и родившийся на земле ради нашего искупления Сын Божий – оказалось в силах растопить Своими лучами лед той долгой духовной зимы. Впрочем, событие Рождества Христова было лишь началом наступавшей весны всеобщего спасения. Ожидаемое цветущее лето, чаемая древними праведниками и пророками полнота жизни в Боге все еще были не близко. За Рождеством Христовым должны были последовать Крест и Воскресение Господа, а также событие рождения Церкви Христовой – сошествие Святого Духа на апостолов. Но и теперь, в день Рождества Спасителя, восставшее над миром новое духовное Солнце уже начало явственно согревать Своими Божественными лучами всю вселенную…

Почти во всех русских православных храмах и монастырях существует добрая традиция: на Рождество в них ставится так называемый вертеп – из подручного материала устраивается небольшая пещерка, устилаемая соломой, с фигурками ангелов, пастухов, животных. В центре этих незамысловатых яслей кладется праздничная икона Рождества, изображающая Богоматерь и новорожденного Младенца Христа. Иногда такой вертеп устанавливается даже не в самом храме, а рядом во дворе – прямо на улице, на морозном зимнем воздухе. Прихожане делают высокий снежный сугроб и выкапывают в нем самую настоящую пещеру – порой такую большую, что в нее можно забраться и поклониться Богомладенцу, приложившись к стоящей внутри иконе Рождества.

Вертепы, устраиваемые в снегу нашей северной русской зимой, – очень точный духовный образ события, случившегося в далеком южном Вифлееме более двух тысячелетий назад. Наверное, той ночью в пещере Рождества Богомладенцу Христу было очень холодно – почти так же, как морозно в этой нашей русской снежной пещерке. Младенца тогда согревало лишь дыхание двух склонившихся над ним животных – вола и ослика. Но еще холоднее было Сыну Божию родиться в мире, в котором давно позабыли о подлинном Источнике духовного тепла – о Боге, животворящем и согревающем все Свое творение теплом Божественной благодати.

Но именно в ту зимнюю ночь, когда на земле родился Господь, холодное пространство Вифлеемского вертепа вдруг незримо наполнилось духовным жаром нового Солнца. Ибо в мире явилось Новое Солнце Правды – Сын Божий, Господь Иисус Христос. Из тьмы ледяной Вифлеемской пещеры Он воссиял жаркими лучами Своей Небесной Славы по всей вселенной. «Приидите вси, облечемся в Него, да согреемся»…

Рождество Христово: евангельский рассказ о событии

Весь Ветхий Завет, повествующий о событиях священной истории до пришествия в мир Христа, наполнен ожиданием грядущего Спасителя, *Желаемого всеми народами* (ср. Агг. 2: 7). Как говорит в одной из древнейших проповедей на праздник Рождества святитель Иоанн Златоуст («Беседа в день Рождества Спасителя нашего»), «о чем некогда скорбели праотцы и предсказывали пророки и что желали видеть праведники, то сбылось и сегодня получило исполнение. *Бог… явился на земле* во плоти, *и обращался между людьми* (Вар. 3: 38). Посему возрадуемся и возвеселимся…». Древние пророки предрекали о Христе, что Он *избавит нищего, вопиющего, и угнетенного, у которого нет помощника. Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет* (Пс. 71:12–13). В библейских книгах то и дело рисуется образ этого Избавителя, и всякий раз он поворачивается к нам своей новой стороной: то это могучий Царь, то смиренный Страдалец, то загадочный Сын Человеческий, грядущий на небесных облаках, то берущий на Себя грехи мира кроткий Агнец. Касаются некоторые ветхозаветные пророчества и особенностей внешнего образа Его прихода в мир. Вот знаменитое пророчество пророка Исаии о рождении Христа от Девы: *Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7: 14). Но существуют и многие другие пророчества об обстоятельствах Его Рождества. Так ветхозаветный пророк Михей говорит от имени Самого Бога о предполагаемом месте Рождения Христа: *И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных* (Мих. 5: 2; это пророчество цитирует и евангелист

Матфей – Мф. 2: 6). Христианские толкователи – начиная с авторов Евангелий – видели в ветхозаветных пророчествах и иные, связанные с Рождеством, прообразы новозаветных событий. Так в словах пророка Осии *Когда Израиль был юн, Я любил его, и из Египта воззвал сына Моего* (Ос. 11: 1; ср. Мф. 2: 15) угадывается не только воспоминание об исходе из Египта евреев во главе с Моисеем, но и пророчество о возвращении Святого семейства в Палестину из Египта – куда Иосифу, Богоматери и совсем недавно родившемуся Христу пришлось бежать от гнева Ирода. А в словах пророка Иеремии *голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет* (Иер. 31: 15; ср. Мф. 2: 18) – слышим уже другое пророчество: об избиении жестоким царем Иродом вифлеемских младенцев. Все это исполнилось в новозаветную эпоху.

Новозаветный рассказ о событии Рождества Христова содержится в двух дополняющих друг друга Евангелиях – от Матфея (1: 18-2: 23) и от Луки (2: 1-20).

В Евангелии от Луки повествуется, что во времена царствования императора Августа в Риме (под властью которого находилась в те времена Палестина) и царя Ирода в Иудее по решению императора была устроена перепись населения. При этом евреям для участия в переписи надлежало прийти в те города, откуда происходил их род. Иосиф и Мария, ожидавшая к тому времени скорого Рождения Ребенка, пришли в Вифлеем, так как происходили из рода царя Давида. Вифлеем же был городом Давидовым. Придя сюда, они не смогли найти свободных мест в гостинице и, несмотря на холодное время года, были вынуждены поселиться в загоне для скота – по церковному Преданию, то была пещера. В этой пещере ночью у Пресвятой Девы родился Сын – Богомладенец Иисус Христос. Она спеленала Его и положила в ясли, куда кладут корм для скота. В ту же ночь неподалеку в поле находились пастухи (вероятно, это были пастухи храмовых стад, выпасавшие скот круглый год, даже зимой). Вдруг перед ними явился ангел, и их осиял чудесный свет. Поначалу пастухи испугались, но ангел сказал им: *не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете*

Младенца в пеленах, лежащего в яслях (Лк. 2: 10–12). После этого явилось и множество других ангелов, воспевавших Бога и восклицавших: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2: 14). Пастухи поспешили в Вифлеем и нашли в пещере Марию, Иосифа и Младенца. Они поклонились Христу и рассказали Богоматери о происшедшем с ними чуде. А Мария запомнила все их слова, *слагая в сердце Своем* (Лк. 2: 19).

Вот как повествует о событии Рождества Христова сам евангелист Лука:

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома ирода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице. В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение! Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было (Лк. 2: 1-20).

Младенец был назван Иисусом (см. Мф. 1: 25; Лк. 2:21).

В то время как Святое семейство находилось в Вифлееме, с востока (вероятно, из Персии или Вавилона) в Палестину пришли языческие волхвы (маги). Сюда их привела некая загадочная звезда. По убеждению древних святых отцов, то было некое чудесное явление, не подлежащее какому-либо научному истолкованию. В современной науке высказываются различные мнения, что, возможно, то была комета, сверхновая звезда или так называемый парад планет. Для христианского сознания сама возможность научного разрешения загадки о природе Вифлеемской звезды всегда представлялась делом пусть и любопытным, но не слишком существенным для веры, для личного спасения христианина. Так или иначе, чем бы ни был на самом деле этот загадочный феномен, именуемый в Евангелии *звездой* (см. Мф. 2: 9-10), эта звезда – силой Божьего Промысла – двигалась по небосклону и привела волхвов в Палестину. Волхвы были уверены, что появление удивительного светила может быть связано с рождением некоего великого и могущественного Царя. Оказавшись в Иерусалиме, они принялись спрашивать: *где родившийся Царь Иудейский?*

Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему (Мф. 2: 2). Этими словами был весьма обеспокоен царь Ирод, известный как талантливый, властный и очень жестокий правитель иудейского народа. Он казнил многих из членов своей семьи, устроил в Иудее настоящий террор, и потому, после его кончины, день смерти Ирода стал отмечаться евреями как национальный праздник. Слова волхвов о могучем Царе, в Котором Ироду виделся возможный конкурент, всерьез встревожили владыку Иудеи, верившего, как и всякий человек древнего мира, в предзнаменования и предугадывание будущего по звездам. Знал он и пророчества о Вифлееме, где надлежит родиться Христу, – и приказал убить всех вифлеемских младенцев в возрасте до двух лет. Попросил он разузнать о месте Рождества и самих волхвов: якобы для того, чтобы вслед за ними также пойти *поклониться* (Мф. 2: 8) этому Младенцу.

Однако волхвы поняли преступное намерение царя (оно открылось им, по воле Божией, во сне) и не открыли ему местонахождение Младенца Христа. Волхвы тайно посетили Богоматерь в Вифлееме и преподнесли Спасителю драгоценные дары: золото, ладан и смирну. По мысли церковных истолкователей текста Священного Писания, эти дары ясно показывают, что волхвы хорошо понимали, Кто родился в мир: ведь они пророчески предвидели не только то, что Иисусу Христу надлежит прославиться, но даже и то, что Господь должен будет умереть.

Золото Ему было преподнесено как Царю (как некая дань, подать), ладан – как Богу (ибо ладан используется при богослужении) и, наконец, смирна – как Человеку, Которому надлежит умереть (ведь мертвецов в те времена натирали благовонными маслами; смирна и была таким составом, предотвращавшим быстрое истление). Между тем Святое семейство вскоре – по указанию явившегося Иосифу ангела – было вынуждено покинуть Палестину и бежать в Египет. Оттуда Иосиф и Богоматерь с Младенцем вернулись на родину лишь после того, как узнали, что царь Ирод умер.

Вот как рассказывает о поклонении волхвов и о прочих событиях сам евангелист Матфей:

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля. Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, [как] наконец пришла и остановилась над [местом], где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою. Когда же они отошли, – се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего. Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет. По смерти же Ирода, – се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души

Младенца. Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоялся туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется (Мф. 2: 1-23).

Церковный праздник Рождества Христова

Праздник Рождества Христова – один из главнейших в богослужебном году. Он относится к числу Господских двунадесятых праздников. Рождество Христово празднуется 25 декабря по старому – церковному – календарному стилю, 7 января по новому стилю.

Однако традиция праздновать Рождество Христово именно в этот день была повсеместно принята в Древней Церкви далеко не сразу.

Поначалу на христианском Востоке существовал иной праздник – Богоявление, посвященный целому ряду событий священной истории, связанных с пришествием в мир Спасителя. Здесь вспоминалось не только центральное из них – Рождество Господа, – но также прославлялись и поклонение волхвов Младенцу Христу, и Крещение Спасителя на Иордане. Праздник этот был приурочен не к 25 декабря, а к 6 января. Именно в этот день Богоявление поначалу отмечали на христианском Востоке – например, в Иерусалиме, Александрии, Антиохии, Сирии, Армении, а также и в одной из западных провинций – Галлии. В то же время уже в первой трети IV столетия Рождество Христово отмечалось на христианском Западе (в Римской Церкви и в Северной Африке) именно 25 декабря – в качестве отдельного праздника, вне его связи с другими событиями священной истории.

Выбор обеих дат празднования был, конечно же, не случаен. Дата празднования Рождества Христова 25 декабря, в соответствии с западной традицией, равно как и дата 6 января в древнецерковной практике христианского Востока, связаны с существовавшим в Древней Церкви важным миссионерским принципом «вытеснения» языческих торжеств торжествами христианскими.

Известно, что при установлении дат праздников Церковь довольно часто руководствовалась анти-языческими и по сути «педагогическими» соображениями. Определяя тот или иной праздничный день, христиане порой специально приурочивали его дату к дням, важным и значимым для древних язычников, когда они совершали свои торжества. Виднейший русский историк Церкви и патролог (исследователь в области традиции святоотеческого богословия) В. В. Болотов пишет: «Язычество, с которым ведет борьбу Церковь, есть не только религия, но и сложившийся известным образом быт. Доказать язычнику несостоятельность его представлений о богах и убедить его веровать в Единого христианского Бога значило сделать много, но еще не все. Порвать свои житейские отношения с соседями-язычниками новообращенный не имел возможности. Нужно было сохранить его от рецидива, и праздники занимали едва ли не главное место между теми оружиями, которыми отвергнутое язычество могло вести партизанскую войну с побеждающим его христианством… Учреждая во дни языческих празднеств свои праздники, Церковь выбивала из рук политеизма (многобожия) одно из последних средств обороны. Установить христианский праздник в день праздника языческого значило созвать христиан в церковь и поставить их под влияние таких воспоминаний, что для многих становилось потом психологически невозможно участвовать в языческих праздниках. Кто утром [накануне языческого празднования наступления нового года] слышал о том, что среди шумного пира повелено было усекнуть голову большего из рожденных женами (святого Иоанна Предтечи), у того языки новогоднее настроение было уже на весь день испорчено».

Итак, в связи с церковным миссионерским и педагогическим принципом «подмены» языческих празднеств христианскими торжествами высказываются три предположения относительно причин празднования Рождества именно 25 декабря. Первое: Рождество оказалось неким противовесом сатурналиям (чествованию мрачного божества Сатурна, пожирающего своих детей); второе: то был день «инвикта», «непобедимого солнца», день солнцеворота – этот языческий праздник был установлен в Риме императором Аврелианом в 274 году; третье: 25 декабря было праздником Митры – божества последнего из великих языческих куль-

тов Древнего мира, весьма популярного во всей Римской империи среди военных и, отчасти, аристократии.

По свидетельству святителя Епифания Кипрского, дата 6 января, в которую на христианском Востоке стали праздновать Богоявление, для язычников Египта в IV столетии была связана с их особым религиозным торжеством, именовавшимся Эон или Кореум, когда прославлялось рождение одного из местных божеств. Тем самым при выборе даты празднования Богоявления 6 января здесь – на Востоке – также мог сработать принцип подмены языческого христианским.

Однако выбор Церковью даты празднования Рождества Христова 25 декабря имел не только миссионерский, антиязыческий, но также и собственно христианский смысл. Известно, что дата праздника Благовещения, дня, когда совершилось безмужное зачатие Христа Пресвятой Богородицей, издревле соотносилась в христианском сознании с 25 марта (Благовещение и сегодня празднуется нами именно 25 марта по старому стилю). Обычный же срок чревоношения матерью младенца – девять месяцев; для того чтобы вычислить наиболее вероятную дату Рождества

Христова, следовало просто прибавить к дате Благовещения ровно девять месяцев. Именно так мы и получаем нашу общепринятую дату празднования Рождества Христова – 25 декабря. Также в Древней Церкви существовало предание, что именно в этот день, 25 декабря, Бог сотворил некогда первого человека, Адама. Но и Христу, как Новому Адаму, подобало прийти в мир именно в тот же самый день, когда был создан наш древний праотец – Адам ветхий. Потому-то Господь и родился 25 декабря.

Итак, в христианском мире изначально существовали две различные даты, в которые отмечалось событие Рождества Господа. Постепенно все православные христиане приняли привычную нам сегодня дату Рождества – 25 декабря по старому стилю. При этом празднование Крещения Господня оказалось выделено в самостоятельное церковное торжество и приурочено к 6 января по старому стилю.

Дата празднования Рождества Христова именно 25 декабря, а не 6 января вошла в повсеместную богослужебную практику восточной Православной Церкви достаточно медленно и не без препятствий. В конце 70-х годов IV столетия Рождество начали отмечать 25 декабря в Антиохии и в Константинополе, в начале 430-х годов, возможно по инициативе святителя Кирилла Александрийского, в Александрии. Тяжелее всего эта богослужебная практика принималась Иерусалимской Церковью. В середине V столетия празднование Рождества 25 декабря было на какое-то время установлено святителем Ювеналием, патриархом Иерусалимским, – причем даже при вынужденной поддержке со стороны имперского военного гарнизона, настолько остро стоял здесь этот вопрос. Однако вскоре Иерусалим вновь вернулся к празднованию Богоявления 6 января. Затем около 560 года святой император Юстиниан написал адресованное Иерусалимской Церкви специальное послание «О праздниках», содержавшее мягкое, но настойчивое требование все же принять общеимперскую дату праздника Рождества. Но на Иерусалим не подействовало и царское послание. Дата празднования 25 декабря здесь утвердилась лишь в конце 60-х годов VII столетия.

В древности к празднику Рождества (как и к ряду других дней церковного года) приурочивались массовые крещения оглашаемых – тех, кто в течение долгого времени проходили подготовительный период перед принятием таинства. До сих пор богослужение Рождества сохраняет в себе некоторые черты этой традиции.

Богослужебные тексты праздника Рождества Христова принадлежат перу таких известных древнецерковных песнотворцев, как преподобный Роман Сладкопевец (VI век), святитель Андрей Критский (VIII век), преподобный Иоанн Дамаскин (VIII век), святитель Герман, патриарх Константинопольский (VIII век), преподобный Косьма Маюмский (VIII век).

Тропарь праздника Рождества Христова в первую очередь говорит о Вифлеемской звезде и о символическом значении поклонения волхвов: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий звездою учахуся, Тебе кланятися, Солнцу Правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе». Русский перевод тропаря: «Рождение Твое, Христос Бог наш, возсияло для мира светом знания. Ибо в нем служащие звездам были научены звездой поклоняться Тебе, Солнцу Правды, и знать Тебя, сходящий свыше Восток (как место наступления света, солнечного восхода. – *П.М.).* Господи, слава Тебе». Итак, волхвы – прежде поклонявшиеся и верившие лишь звездам – теперь научены звездой тому, что поклоняться следует лишь подлинному Источнику света, Солнцу Правды: Христу.

Кондак праздника принадлежит перу знаменитого святого Романа Сладкопевца – сирийца по происхождению и певца константинопольского храма святой Софии. Существует предание об истории создания этого кондака. Преподобный Роман с юных лет отличался благочестием и смирением, что обратило на него внимание и расположило к нему тогдашнего Константинопольского патриарха Евфимия, в то же время вызывая все большее раздражение у его завистников. Однажды, в навечерие (накануне) Рождества, в храме, в присутствии самого императора, враги и недоброжелатели Романа вынудили его выйти на клирос и петь.

Однако в пении он был неискусен и произвел на всех плохое впечатление. Оставшись после службы в одиночестве, Роман долго плакал, молясь перед иконой Богоматери. В ту же ночь Божия Матерь явилась ему в видении и подала рукописный свиток, повелев его съесть. Роман это исполнил и получил удивительное духовное просвещение и чудесные дары. На следующий день в храме – в свою череду – он вышел на амвон и прекрасным голосом пропел только что сочиненную песнь, известную ныне как кондак праздника Рождества. Все, включая императора, были в восторге и от мелодичности пения Романа, и от глубины богословского содержания кондака. Бывшие завистники тотчас же пали к его ногам с просьбой о прощении, а сам Роман довольно скоро после этого чудесного события сделался одним из самых известных церковных песнописцев, получив прозвище Сладкопевец.

Вот текст того рождественского кондака: «Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог». Русский перевод кондака: «Сегодня Дева рождает Того, Кто выше всего существующего, и земля приносит пещеру Неприступному (то есть неприкосновенному, недостижимому для нас по Своей высоте Богу. – *П.* М.), ангелы славят с пастухами, волхвы же путешествуют со звездой; потому что ради нас родился Младенец,

Предвечный (то есть существовавший прежде, чем что-либо было сотворено. – *П.* М.) Бог». Текст кондака в первую очередь говорит о том, что в день Рождества Христова удивительным образом соединилось, казалось бы, несоединимое, осуществилось невозможное – Дева рождает Того, Кто вообще не сопоставим по Своему величию ни с чем в мире; земля приносит Ему в дар пещеру, делающуюся жилищем Того Самого Бога, что прежде обитал лишь в неприступном благодатном свете; Существовавший вечно Господь рождается телесно и, начав вдруг жить земной жизнью, делается слабым и беззащитным Младенцем, подчиненным законам времени и пространства.

Тексты прекрасных и торжественных стихир и двух канонов праздника Рождества более всего свидетельствуют о том радостном чувстве, что охватило весь мир в день Рождества: «Небо и земля днесь (сегодня) пророчески да возвеселятся, ангели и человецы духовно да торжествуют: яко Бог во плоти явися сущим во тме и сени седящим (то есть нам, находящимся во тьме и тени греховного состояния. – *П.М.),* рождейся (родившийся) от Девы», «небо и земля днесь совокупишася (то есть стали едины, сделались неразрывным целым. – *П.*М.), рождшуся Христу…», «Христос раждается, славите (прославляйте). Христос с небес, срящите (встре-

чайте). Христос на земли – возноситеся (то есть Бог сошел на землю, и благодаря этому мы можем теперь духовно возноситься на небеса к Богу. – *П.М.).*

Пойте Господеви вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися (ибо Бог прославился в Своем Рождестве. – *П.М.*)».

Новозаветные чтения праздничных утрени и литургии, как и звучащие в эти дни в православных храмах молитвы и песнопения, говорят о чуде Рождества и о тех благах, которые оно даровало верующим во Христа. Так, для апостольского чтения на литургии избран отрывок из Послания апостола Павла к Галатам, где свидетельствуется о том, что через Рождение в мире Христа и все верующие, уподобляясь Сыну Божьему, также усыновляются Творцу и делаются детьми Создателя, сонаследниками Христа и наследниками бесконечных Божественных благ. Апостол наставляет христиан: *когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа* (Гал. 4: 4–7).

Святоотеческие проповеди на Рождество Христово

Событие Рождества Христова – величайшая радость для всех православных христиан, которую в нашем сознании, пожалуй, может превзойти лишь радость пасхальная. Потому-то празднику Рождества Христова и посвящено огромное число ярких, вдохновенных, богословски глубоких святоотеческих церковных проповедей. Эти гомилии очень многочисленны – древние святые отцы никогда не уставали прославлять своим вдохновенным словом замечательное церковное торжество и потому оставили нам огромное число рождественских проповедей. Впрочем, следует заметить, что, как ни странно, наиболее радостные и исполненные духовного ликования рождественские проповеди по большей части принадлежат западным святым отцам Древней Церкви. В то время как восточным православным христианам всегда была наиболее духовно близка праздничная радость Пасхи, для западных христиан среди церковных торжеств на первом месте стояло Рождество. Таинство Воскресения Христа из мертвых, Пасхи, являющейся для нас, православных «восточной традиции», «праздником праздников и торжеством из торжеств», осталось для Запада до конца не понятым и не прочувствованным. Но зато какое же ликование всегда охватывало западных христиан, когда близилось церковное воспоминание Рождества – пришествия в мир Богомладенца Христа, Который Своим смиренным Рождением в тесной Вифлеемской пещере даровал всей вселенной радость и славу встречи лицом к Лицу с Богом, с ее Творцом, ныне сделавшимся Человеком.

Конечно же, прекрасные гомилии на Рождество Христово принадлежат не только западным, но и восточным святым отцам, в частности святителям Василию Великому (гомилия произнесена в 70-е годы IV столетия), Григорию Богослову (379 год), Григорию Нисскому (386 год), Амфилохию Иконийскому (последняя четверть IV столетия), Иоанну Златоусту (конец IV столетия), Проклу Константинопольскому (несколько рождественских гомилий, вторая четверть V столетия), преподобному Феодору Студиту (821–826 годы), святителю Феолипту Филадельфийскому (около 1318–1321 годов), святителю Григорию Паламе (50-е годы XIV столетия) и другим. И все же самые яркие святоотеческие гомилии, посвященные теме Рождества, принадлежат древним святым отцам Запада. Это гомилии святителя Оплата Милевитского (проповедь произнесена около 362–363 годов; впрочем, некоторые ученые сомневаются в ее принадлежности), святителя Хроматия Аквилейского (рубеж IV–V столетий), блаженного Иеронима Стридонского (между 397 и 402 годами), блаженного Августина (целый ряд проповедей, произнесенных в конце IV – первой трети V столетия), святителя Максима Туринского (конец IV – первая четверть V века), святителя Льва Великого (ряд богословски глубоких рождественских гомилий, произнесенных в середине V столетия), святителя Петра Хрисолога (цикл рождественских гомилий, вторая треть V столетия), святителя Кесария Арелатского (первая половина VI столетия), святителя Григория Великого (90-е годы VI столетия) и многих других. Некоторые из перечисленных здесь гомилий публикуются в этой книге.

Дошли до нас и те древнецерковные проповеди на Рождество, что лишь приписываются авторству тех или иных святых отцов, но на самом деле им не принадлежат. Так, например, ряд рождественских гомилий сохранился под именами святителей Амвросия Медиоланского и Иоанна Златоуста. Многие из них – очень глубокие по своему богословскому содержанию, подлинно премудрые по заключенному в них нравственному христианскому учению, прекрасные по красоте возвышенного слога – также безусловно вошли в сокровищницу церковного Предания, сделались неотъемлемой частью святоотеческого наследия. Потому-то некоторые из них также присутствуют на страницах этой книги.

Большое число рождественских проповедей принадлежит святым отцам нового и новейшего времени. Для публикации в книге избраны творения святителей Тихона Задонского,

Филарета Московского, Луки (Войно-Ясенецкого), Иоанна (Максимовича), священ-номученика Сергия Мечёва, преподобного Иустина (Поповича).

Все святоотеческие проповеди на Рождество Христово наполнены тремя главными чувствами, испытываемыми их авторами – к каким бы традициям и эпохам они ни принадлежали. Чувства эти – радость, благодарность и удивление. Радость о том, что в мире родился Его Спаситель, Сын Божий, Господь Иисус Христос. Благодарность Творцу за то, что Бог не оставил падший грехом человеческий род, но, явившись посредством Своего Рождества среди нас и став в Воплощении истинным Человеком, добровольно отдал Себя в Искупительную Жертву ради любви к людскому роду. Удивление из-за того, что вечный и бесконечный Бог, приняв человеческое естество, сделался маленьким и бессильным Младенцем, умалил Себя – Небесного и Всеславного – до вселения в ледяной холод подземной пещеры; что Он, непрестанно воспеваемый бесчисленными ангельскими силами, ныне смиренно возлег в кормушке для скота.

Рождество – праздник парадоксов. Вечный Бог здесь Сам свободно подчиняет Себя законам времени, Всемогущий принимает на Себя абсолютное бессилие, Вездесущий ограничивается, Всерадостный по-младенчески плачет, Всеблаженный и Вседовольный страдает и мерзнет от зимнего пронизывающего холода, Приведший Свой богоизбранный народ *в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед* (Исх. 3: 8) теперь не находит для Себя в этой земле доброго пристанища и крова…

Радость, благодарность и удивление – очень детские чувства. Именно они и бывают в первую очередь присущи маленькому человеку, который в начале своего земного пути лишь начинает познавать окружающий его мир. Быть может, именно поэтому лучшие из святоотеческих рождественских проповедей наполнены особым, поистине детским восторгом от осознания этой ныне переживаемой христианами праздничной рождественской радости: *С нами Бог!* (Ис. 8: 10). Ныне Он пришел к нам для того, чтобы, совершив дело спасения, искупив человеческий род, затем неотступно пребыть с нами *во все дни до скончания века* (Мф. 28: 20). Время богооставленности, духовного сиротства миновало. Теперь Этот новорожденный Младенец – наш общий Бог и Господь, воспринявший всех спасаемых в Свое достояние по дару усыновления!

Бог пришел на землю, и это для нас означает, что человек ныне восходит на Небо. Радость от этой новости переполняла умы и сердца святых проповедников, и они спешили поделиться ею со своей паствой, стремясь донести до слушателей охватившее их чувство ликующей благодарности Богу – за все подаваемые Им ныне человеческому роду Его спасительные и жертвенные дары, за Его величайшее смирение, за Его всесильную и всеохватную любовь. Уста святых проповедников в день Рождества Христова изрекали с церковного амвона поистине удивительные, вдохновенные и прекрасные слова: те слова, что облеклись в ткань публикуемых в этой книге святоотеческих рождественских проповедей.

Величие церковного праздника Рождества Христова: святоотеческое понимание

Мир ждал встречи со своим Богом очень-очень долго. С самого дня грехопадения первых людей – Адама и Евы – погрузившись во тьму и бездну греха, обезбожившись в гордом бунте против Создателя, человеческий род бесконечно страдал от жажды нового союза со своим потерянным Господом. Слова древнего христианского церковного писателя Тертуллиана (III век) «душа человека по природе христианка» очень точно выражают истину о том, что, к какой бы эпохе, культуре, цивилизации ни принадлежал тот или иной человек, для него равно необходимо и естественно напряженно стремиться к одному: к благодатному духовному единству со своим Творцом, к союзу любви и веры с Ним. Именно поэтому даже в те времена, когда Христос еще не пришел в Своем спасительном Воплощении в мир, всегда находились те, кого святой Иустин Мученик (II век) именует «христианами до Христа». Это и святые ветхозаветные праведники, и даже те из язычников, кто, внутренне чувствуя ошибочность своей ложной религии, жаждали подлинного богообщения, по слову апостола Павла, непрестанно и настойчиво *искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли* (Деян. 17: 27). Как говорит об этом святитель Иоанн (Максимович), «не только иудеи ждали Избавителя; но лучшие из язычников находились в ожидании Некоего, Который спасет человечество от гибели».

И вот миг долгожданной встречи настает. В мире является Сын Божий, пришедший ради спасения человеческого рода, для исцеления и возрождения нашей порабощенной греху природы, а также ради того, чтобы преодолеть власть царствующих на земле сатаны и смерти. Именно поэтому, по слову святителя Григория Богослова, праздник Богоявления, Рождества Христова, для всех нас – это «не праздник немоществования, но праздник уврачевания, не праздник создания, но праздник воссоздания».

Событие Рождества Христова вмещает не только рождение Самого Бога Слова, как момент Его Собственного вхождения во вселенную, но и рождение вместе с Ним и в Нем нового человечества – обновленного и спасенного, возрожденного в Боге. Потому святитель Василий Великий, прославляя нынешний праздник в своей рождественской гомилии, призывает всех христиан: «Будем праздновать спасение мира и день рождения [нового] человечества».

Наконец-то исполняются чаянья всех тех «христиан до Христа», что в течение многих тысячелетий жаждали явления в мире Спасителя и Искупителя, скорбя о собственном духовном бессилии и в то же время радостно и боговдохновенно предугадывая грядущее избавление от власти и нищеты греха. В первую очередь это ветхозаветные пророки, все те, о ком радостно и возвышенно говорит в «Беседе в день Рождества Спасителя нашего» святитель Иоанн Златоуст: «О чем некогда скорбели праотцы и предсказывали пророки и что желали видеть праведники, то сбылось и сегодня получило исполнение. *Бог… явился на земле* во плоти, *и обращался между людьми* (Вар. 3: 38). Посему возрадуемся и возвеселимся…»

Некогда – в реальности Ветхого Завета – Господь являлся верующим лишь прикровенно: в символах и образах, в тех ветхозаветных богоявлениях, которые не столько даровали богоизбранному народу ответы на его духовные вопрошания и поиски, сколько приносили все новые и новые духовные загадки и тайны. Явления Бога то в образе ангелов, то в непожигающем горении неопалимой купины, то в грозном буйстве природных стихий перед Моисеем и его народом на Синае, то в веянии тихого ветра перед Илией на Хориве – все они хотя и приносили ветхозаветным святым торжество и ликование их встречи с Богом, однако все еще не даровали им совершенной радости как совершенного союза любви Творца и Его творения.

И вот наконец Бог приходит в мир, рождается как человек. По слову преподобного Феодора Студита, теперь «Сын Божий приходит к нам не в гаданиях и символах, как некогда

являлся отцам, но чрез Рождение от Девы нисходит, самолично являясь нам. Блаженнее этого ничего не было в родах родов и ничего не было удивительнее во всех чудесах, которые Бог сотворил от века».

Как восклицает святитель Лука (Войно-Ясенецкий), в Рождестве Христовом «явлено миру странное и преславное таинство: темный вертеп стал Небом, ибо в нем воссиял свет Божества; ясли для корма скота вместили Невместимого всей вселенной Бога; престол херувимский, на котором восседает Бог, заменен Пречистой Девой, на груди Которой возлежит ныне непостижимо для нас вочеловечившийся Предвечный Христос Бог». Ныне, в день Рождества Христова, само Небо сходит на землю и делает весь мир Небом – как вместилищем, жилищем и царством Сына Божия. Прежде всего Его храмом и домом становится чрево носившей Его в Себе Девы, а затем – с мига Рождества – и вся вселенная.

Что же надлежит делать в этот церковный праздник Рождества всем христианам? Прийти в пещеру Рождества вместе с пастухами и волхвами и прославить Того, Кто спасает нас от греха и смерти и вновь принимает весь человеческий род в Свое Божественное достояние. В этот праздничный день святитель Григорий Богослов призывает каждого: «иди со звездой, принеси с волхвами дары – золото, и ладан, и смирну – как Царю, и как Богу, и как Умершему ради тебя; прославь с пастырями, ликуй с ангелами, воспой с архангелами, да составится общее торжество небесных и земных сил». Такой Вифлеемской пещерой, куда всем нам надлежит прийти в день Рождества, для нас становятся наши православные храмы.

Конечно же, в первую очередь мы должны прийти ко Христу в Вифлеемскую пещеру Его Рождества с великой радостью, но в то же время – со смирением и покаянием, ощущая собственное недостоинство в отношении того удивительного дара, который мы ныне обрели. Как говорит об этом священномученик Сергий Мечёв, «сегодня святая Церковь зовет нас прийти в вертеп к рождшемуся Господу и в смирении и покаянии поклониться Ему». И потом нам, прикоснувшимся к этой радости Рождества Христова, следует шаг за шагом преодолеть и разделить с нашим Спасителем – пройти с Ним и в Нем – весь дальнейший путь Его искупительного подвига: от момента Вочеловечения и до самого Креста, а затем приобщиться святому мигу Воскресения Христова. Потому именно в этот праздничный день явления Господа в мир святитель Григорий Богослов так решительно и настойчиво призывает слушателей своего проповеднического слова: «Будешь ли сечен бичами, домогайся и прочего, вкуси желчь за первое вкушение, испей оцет, ищи заплеваний, прими удар по щеке и заушения. Увенчайся тернием – суровостью жизни по Богу; облекись в багряную ризу, прими трость; пусть преклоняются пред тобой ругающиеся истине. Наконец, охотно распнись, умри и прими погребение со Христом, да с Ним и воскреснешь, и прославишься, и воцаришься, зря Бога во всем Его величии и Им зримый, – Бога в Троице покланяемого и прославляемого».

Итак, Рождество Христово – лишь начало пути ко Спасению человеческого рода: пути, проложенного земным житием Бога, а затем Его Смертью и Воскресением. Именно поэтому в текстах, посвященных событию Рождества, Боговоплощения так часто наряду с праздничной радостью от встречи Бога и человека проскальзывает мотив легкой печали, грусти, мимолетное, но уже ощутимое веяние скорби, что должна некогда последовать за этой радостью: Бог пришел в мир, чтобы в этом мире умереть. Как говорит известный православный автор XX столетия митрополит Вениамин (Федченков), «Церковь… вслед за Рождением Сына Божия тотчас же вспоминает о страданиях Его, Распятии и Смерти… И это не будет случайным словом и без связи с праздником Его Рождения, а наоборот – неразрывным одно с другим действием, тесно связанными событиями… Вертеп (Вифлеемская пещера) и Голгофа (место Распятия Христа) – это начало и конец одного дела – спасения человечества». Эту мысль высказывают святые отцы. Как учит в «Слове в день Рождества Христова», произнесенном в 1823 году, святитель Филарет Московский, «чтобы возвести нас от погибели, Спаситель наш Сам снидет в погибель; Он рождается на земле не для того, чтобы жить: ибо для сего не нужно было Ему

земное Рождение, но чтобы умереть, чтобы в самый ад низвести Небесное Рождение, наконец, чтобы из смерти породить жизнь, из ада сынов Неба, из погибели извести спасаемых».

Итак, в Рождестве полагается начало Пасхе, равно как и в Пасхе содержится плод радости Рождества. Именно поэтому святитель Григорий Нисский в «Слове на Рождество Спасителя» наставляет нас: «Подумай: Пасхой оканчивается Домостроительство (спасительная забота о человеке и мире. – *П.М.*) нашего спасения; но был ли бы конец, если бы ему не предшествовало начало? Что же раньше? Очевидно, что Рождение предшествует Смерти и Воскресению: потому и блага, дарованные Пасхой, зависят от благ, дарованных Рождеством».

Тем самым мы, православные христиане, празднуя в наших храмах Рождество Христово, торжествуем не только лишь одно это событие священной евангельской истории, но и прославляем вместе с ним и в нем всю полноту Домостроительства Боговоплощения – всего дела спасения человеческого рода, осуществившегося Христом и во Христе, в Сыне Божием, ставшем истинным Человеком, распятым ради нас и воскресившим нас в Себе от духовной смерти. Именно поэтому, по мысли древних церковных писателей, наша радость в этот праздничный день должна быть куда большей и совершенной, чем даже радость некогда предстоявших яслям Рождества пастухов и волхвов, а также ликовавших в день Рождения Богомладенца бесчисленных ангельских сил. Ведь они радовались лишь началу спасения, мы же торжествуем его итог. Они лицезрели росток, а мы вкушаем плод. Они прославляли одно только пришествие Бога в мир, а мы – в век Церкви Христовой – славим вместе и пришествие, и спасительную крестную победу Они были свидетелями лишь основания Домостроительства спасения, а мы ныне уже вселились в готовое и завершенное здание, в чудесную палату дома Божия, обитая здесь в благодатном союзе и единстве с Богом Победителем, с Господом не только Родившимся, но и Воскресшим. Вот что говорит об этом автор приписываемого святителю Амвросию Медиоланскому «Слова третьего на Рождество Христово»: «Братья! Совершенно недоумеваю, каким весельем и какими похвалами мне надлежит возвестить вам этот день Рождества Христова: ведь [немощный] человеческий язык не способен – при таком [великом] торжестве – [достойно] прославить Бога. Нам же с вами предстоит ныне восхвалить человеческими устами Того, Кто некогда, при Его Рождении, был воспет гласами бесплотных ангелов. Однако ангелы тогда дивились лишь родившемуся Господу, мы же прославляем Его ныне не только родившегося, но и воскресшего и со-царствующего Отцу и Духу. Сегодня Он есть Царь царей. Потому-то нынешнее наше [церковное] празднество большее, чем торжество того дня, [когда родился Господь]. Мы должны ликовать в этот день с тем большей радостью, чем больших чудес сподобились».

Итак, радость праздника Рождества может быть выражена в словах: Бог стал Человеком, чтобы спасти людей от рабства греху и восстановить их в некогда утраченном ими святом достоинстве. И главнейшее ощущение праздника Рождества – одного из самых светлых и любимых в православии – это радость новой встречи, после долгой разлуки, Творца-Бога и Его творения – человека. Как говорит святитель Иоанн Златоуст в «Беседе в день Рождества», «…взирающим… на Самого Спасителя нашего, родившегося сегодня, надлежит взыграть и веселиться, поражаться и дивиться величию Домостроительства Божия, превосходящего всякий ум. Представь, как было бы величественно, если бы мы увидели солнце сшедшим с небес, идущим по земле и отсюда изливающим на всех лучи свои. Если же видеть такое событие с чувственным светилом для всех было бы изумительно, то подумай и рассуди теперь, как величественно видеть Солнце Правды изливающим лучи Свои из нашей плоти и просвещающим наши души».

Родившийся в Вифлееме: истинный Бог и истинный Человек

Церковь настаивает на непреложной истине: родившийся ныне в Вифлееме Младенец – истинный Бог и совершенный Человек, Сын Божий, Который прежде Своего земного Рождения обладал только одной Божественной природой, общей у Него с Отцом и Святым Духом, теперь сделался еще и истинным Человеком. Как говорит об этом в «Слове пятом на Рождество Христово» святитель Лев Великий, Родившийся в Вифлееме – «истинный Человек и Истинный Бог; вечный в Своем, временный в нашем; единый с Отцом в сущности, которая никогда не была у Него меньшей, чем у Отца, и единый с Матерью в теле, которое Он создал».

При этом Сын Божий воспринял в Воплощении человеческую природу – душу и тело – навеки, навсегда. Он соделал ее неизменным содержанием и частью Собственной жизни, как жизни Второго Лица Пресвятой Троицы. Отныне эти тело и душа стали в Нем телом и душой Бога. При Воплощении две природы во Христе – Божественная и человеческая – соединились в вечном и неразрывном союзе. Отныне и навсегда Сын Божий является не только совершенным Богом, но и совершенным Человеком. По выражению древних святых отцов, Божественная и человеческая природы во Христе соединились «неслитно», «неизменно», «нераздельно» и «неразлучно».

Потому-то Церковь издревле называла совершившееся в Вифлееме событие не только Рождеством, но также и Богоявлением. Как говорит святитель Григорий Богослов, «ныне праздник Богоявления, или Рождества… потому что Бог явился человекам через Рождение». Само слово «Богоявление» здесь как раз и означает, что Бог, прежде сокрытый от человеческого рода за, казалось бы, абсолютно непреодолимой небесной завесой, теперь ясно и зримо являет Себя человеческому роду. Как говорит святитель Димитрий

Ростовский в «Поучении на Рождество Христово», в Своем Рождестве «Бог перестал быть скрытым от людей».

Такое явление Бога человеку происходит уже не как нечто внешнее по отношению к нам – подобно Его древним ветхозаветным явлениям пророкам и праведникам в символах и загадочных образах, – но осуществляется Им как явление Бога в самом человеке: Небесного Творца, нисшедшего к нам и вдруг сделавшегося истинным Человеком, то есть одним из нас. Как говорит об этом святитель Тихон Задонский, в Рождестве Христовом мы «видим уже Бога в Человеке, Творца в твари, Владыку в образе раба». Теперь уже Бог не только над нами, но и вместе с нами, среди нас и в нас. По мысли святителя Василия Великого, эта истина пребывания Бога с мига Его Воплощения среди нас, как нашего Спасителя и как истинного Человека, ярко выражена и в земном имени Господа – Иисус, и в Его таинственном библейском пророческом именовании Еммануил. Как говорит в «Гомилии на Рождество Христово» святитель Василий Великий, «это… относится… к имени „Иисус", то есть „Спаситель народа". И вот уже приоткрывается тайна, предопределенная прежде веков и проповеданная издавна пророками: *се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог* (Мф. 1: 23). Здесь открывается смысл этого древнего имени, [заключающего в себе] все Таинство [явления] Бога среди людей, ибо, как сказано, имя *Еммануил* означает *с нами Бог».*

Итак, ныне совершается, казалось бы, невозможное – Бог становится Человеком. По слову святителя Григория Богослова, «Бесплотный воплощается, Слово отвердевает, Невидимый становится видимым, Неосязаемый осязается, Безлетный начинается. Сын Божий делается Сыном Человеческим». Впрочем, что может быть невозможного и неисполнимого для всемогущего Бога?

Бог сходит на землю и делается маленьким, бессильным, еще не умеющим говорить Младенцем. Однако то, что Он принял на Себя человеческое бессилие, всю немощность нашей при-

роды, отнюдь не означает, что Он оказался тем самым умален в Своем Божественном всемогуществе. Сила Его человеческой немощи, конечно же, не передалась Его Божественной природе. Как говорит в «Гомилии на Рождество Христово» святитель Василий Великий, «человеческая плоть Господа сама стала причастной Божеству, но не сообщила Божеству своей немощи». С ним соглашается и святитель Петр Хрисолог, подчеркивающий во «Втором слове о Таинстве Воплощения», что «Рождество Христово совершилось не по [природной] закономерности, но как знамение [Божественного] могущества; как явление славы, а не беззакония; как таинство любви, а не уничижение Божественности; как новоустроение человеческого спасения, а не умаление Божественной сущности».

И в Своем Воплощении Он – по-прежнему всемогущий Сын Божий, истинный и совершенный Бог. Как говорит блаженный Августин, «чтобы обожить человеков, Бог стал Человеком; не оставляя того, чем был, Сам захотел сделаться тем, что сотворил. Сам сотворил то, чем Ему быть, и прибавил Человечество к Божеству, не теряя Божества в Человечестве». Пусть и восприняв бытие человеческое, причем в его предельной детской слабости, в немотствовании новорожденного дитяти, Сын Божий при этом ни на миг не утратил ни Собственного Божественного величия, ни власти над тварной вселенной, ни единства сопребывания и теснейшего внутритроичного общения со Отцом и Святым Духом. Как утверждает в «Гомилии на Рождество Христово» святитель Василий Великий, в миг Рождества «и Небо не опустело от Содержащего [его], и земля восприняла в свое лоно Небесного». А как подчеркивает в «Слове на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа» святитель Иоанн Златоуст, Сын Божий в Своем Боговоплощении «восхотел, возмог, нисшел и спас; все повинуется Богу. Сегодня рождается Сущий, и Сущий становится тем, чем Он не был; будучи Богом, Он делается человеком, не переставая быть Богом; не теряя Божества, Он стал Человеком..». Согласен с ними и святитель Филарет Московский, заявляющий в произнесенном им в 1823 году «Слове в день Рождества Христова»: несмотря на то, что ныне Бог Слово стал по человечеству бессильным и не способным произнести разумное слово Младенцем, по

Своему Божеству Он – все То же никогда не молчащее Слово Отчее, своими вечными глаголами изрекающее непреходящую Божественную Истину, зиждущее и хранящее вселенную, непрестанно о ней промышляющее. Святитель Филарет учит: «Новорожденный – и сущий прежде всех веков; Младенец – и Отец будущего века; Сын Человеческий, но Сын Девы, теперь и после истинный Сын Девы, а ныне, и присно, и во веки веков также истинный Сын Божий; недавно в чине земных тварей, но Тот Самый, Которым в начале сотворено все и небесное и земное; днесь немотствующий между бессловесными, но присно глаголющий и носящий всяческая глаголом силы Своей; как Слово сущее у Бога, Человек Христос Иисус и вместе Сый над всеми Бог благословенный во веки!»

При этом Сын Божий, истинно став одним из нас по воспринятой Им людской природе, оказался подвержен тем нашим естественным слабостям и немощам, что вошли в человеческое бытие после грехопадения Адама: таким, как способность страдать, утомляться, плакать, страшиться. Он, по выражению святителя Льва Великого, в Воплощении «принял нашу немощь». И раз, по слову святителя Григория Богослова, после Вочеловечения во Христе было «два естества» – Божественная и человеческая природы, – Он, конечно же, как и все мы, по воспринятому Им человечеству, «утомлялся, и алкал, и жаждал, и был в борении, и плакал по закону телесной природы». Впрочем, абсолютно свободный от власти и силы греха, Христос был тем самым свободен и от любой тяги к нему – к злому помыслу или поступку Он, по слову святителя Тихона Задонского, в Своем Вочеловечении «нам уподобился во всем, кроме греха».

Размышляя об образе восприятия Богом Словом человеческой природы и в то же время поражаясь самой парадоксальности события Рождества Христова, как удивительной перемены, произошедшей в личном бытии Неизменного по Своему Божеству Бога Слова, древние святые отцы рассуждают здесь о тайне не одного, а именно двух Рождений, совершившихся в отно-

шении Второго Лица Пресвятой Троицы. Ведь Бог Сын подлинно родился дважды: сначала предвечно от Бога Отца, из Его Божественной сущности, как истинный Бог, а затем уже во времени от Матери, от Пресвятой Девы Богородицы, по Своему человеческому естеству, как истинный Человек.

Его вечная Родина – это Небеса, внутритроичное Божественное пребывание. Теперь же Он нисходит на землю. Это нисхождение, как и все в событии Рождества Христова, преисполнено тайн и парадоксов. Оба Рождения Бога Слова поразительны и не вместимы разумом. Как Небесный Бог Он предвечно рождается от Отца без матери. А на земле Он рождается как Человек от Матери без отца. И на Небе и на земле у него лишь один Родитель. В горнем бытии – Бог Отец; в дольнем – Мать-Дева. Как учит святитель Иоанн

Златоуст, «Рожденный неизъяснимо от Отца сегодня непостижимо рождается от Девы ради меня. Но тогда Он по естеству родился от Отца прежде веков, как знает Родивший; а сегодня Он сверхъестественно родился, как знает благодать Святого Духа. И горнее Рождение Его истинно, и дольнее Рождение Его неложно; истинно родился Он, как Бог от Бога, истинно родился Он же, как Человек от Девы. Вверху Он Один от Одного Единородный, внизу Он же Один от одной Девы Единородный. Как в горнем Рождении Его нечестиво представлять мать, так и в дольнем Рождении Его богохульно допускать отца. Отец родил Его бессеменно, и Дева родила Его нетленно; ни Бог не потерпел разделения, родив Его, – потому что родил боголепно, – ни Дева, родив Его, не испытала растления, потому что родила от Духа. Поэтому ни горнее Рождение Его не может быть изъяснено, ни Пришествие Его в последние времена не допускает исследования».

Продолжая размышлять о парадоксах Рождества, древние святые отцы подчеркивают и еще нечто удивительное. Родившись от Матери, от Богородицы по Своему человечеству, Бог Слово в то же самое время – но уже по Своему Божеству – является Творцом и Создателем для Собственной земной Матери. Он родился от Нее, но Он же и Ее создал. Он не мог бы родиться без Нее как Человек, но и Она не смогла бы родить Своего Божественного Сына, Богомладенца Христа, если бы Он прежде не стал Ее Создателем как сотворивший все сущее Бог и Господь. Как учит об этой тайне блаженный Августин, «дивно это действие Всемогущества, но еще удивительнее то милосердие, по которому Могущий так родиться восхотел родиться. Ибо был уже Единородным у Отца Тот, Кто родился Единородным у Матери; Сам создался в Матери Тот, Кто сотворил Себе Матерь; вечный со Отцом, во времени от Матери; после Матери создан от Матери Тот, Кто прежде всех Сущий от Отца и Кто Несозданный. Без Него никогда не был Отец, без Него никогда не существовала бы Мать».

Размышляя об удивительной тайне двух Рождений Сына Божия, автор приписываемого святителю Амвросию Медиоланскому «Слова четвертого на Рождество Христово» неожиданно припоминает слова фарисеев, которые некогда попрекали Христа, говоря, что Его невысокое земное происхождение всем хорошо известно: каждый знает Его Мать – Марию и что Его отцом был плотник и строитель Иосиф (см. Мф. 13: 55). Автор гомилии подчеркивает, что хотя фарисеи, конечно же, здесь ошибались – Сын Божий по Своему Человечеству не имел земного отца, был зачат безмужно, – но в духовном, небесном, предвечном смысле они оказались правы: ведь Его Отцом, хотя и совсем в ином смысле, подлинно был Плотник, Строитель, впрочем, совсем не земной, а Небесный. «Здесь примечай тайну. Плотник называется отцом Христа. И поистине, Бог Отец есть Плотник и Строитель…» Этот Плотник и Строитель – Бог Отец, предвечно родивший Своего Единородного Сына, – может быть назван так потому, что Он Своей творческой всемогущей силой создал, возвел, выстроил самое прекрасное, совершенное и огромное из всех существующих зданий: этот мир, тварную вселенную, и затем наполнил ее разнообразнейшей жизнью. Он учредил ее законы. И Он же наставил пребывающего здесь человека быть не просто жителем этого мира, но сделаться Божиим со-работником и со-строителем, научил людей творчески пересозидать вместе с Ним вселенную в храм

спасения и богообщения. Этот Небесный Плотник построил ковчег вместе с Ноем, направлял Моисея при создании им скинии Завета, воздвиг храм вместе с Соломоном. Тем самым Бог – как Строитель здания нашего спасения – вел человеческий род к встрече и к соединению с Собой, к близящемуся Боговоплощению, к Его вступлению в мир, который Он столь хорошо подготовил и надежно приспособил для осуществления Им дела нашего Искупления от греха. Но Небесный Отец также еще и Плотник и Строитель нашего сердца, «смягчающий жестокие души, отсекающий гордые помыслы, возвышающий смиренные поступки» и тем пересозидающий внутренний мир человека и делающий его достойным Своего Боговселения. Он Строитель вселенной и в то же самое время Строитель нашей души, нашей сердечной глубины, выстраиваемой Им для Самого Себя как Его Небесное жилище, возводит всякую христианскую душу как прекрасный и преисполненный Божественной благодатью храм – даже еще более величественный, чем древний храм Соломона, который некогда, по окончании его строительства, оказался зримо наполнен облаком и славой Божественного присутствия (см. 3Цар. 8: 10–11).

Пресвятая Богородица: безмужное зачатие и девственное Рождение

Сын Божий приходит в мир. Он рождается на земле, как и все живущие здесь, от Матери, из женской утробы. Как говорит святитель Амфилохий Иконийский, «в этот тленный мир из девичьих ложесн пришел Владыка Неба и земли ради Искупления мира. Ибо в этот день родился наш Спаситель, Который есть Христос Господь, Который есть Свет народам и Спасение дома Израиля. О чудо! Неописуемый небесами как Младенец ночует в яслях, и Создавший все одним словом согревается женскими руками, и Даровавший по благодати бытие всем надмирным силам питается молоком от пречистых сосцов Святой Девы».

При этом и способ Его зачатия, и образ Его Рождения – удивительны. Они превосходят естественный порядок вещей, будучи одновременно и вполне человеческими, и в то же самое время целиком преодолевающими ограниченность и тленность тех законов природы, что существуют в нашем мире после грехопадения Адама. Как утверждает святитель Прокл, патриарх

Константинопольский, Христово «Рождество победило природу». Святитель Петр Хрисолог во «Втором слове о Таинстве Воплощения» настойчиво требует: «Пусть никто не судит об этом по-человечески. Пусть никто не испытывает небесное таинство земным образом».

Зачатие Господа произошло в момент события Благовещения без участия мужа, через наитие Духа Святого и схождение Бога Слова в утробу Пречистой Девы, где Он Сам соткал для Себя плоть из Ее людского естества. Как говорит об этом святитель Петр Хрисолог во «Втором слове о Таинстве Воплощения», «нерожденный [по Божеству Сын Божий, некогда] сотворивший человека сверх закона рождения из безжизненного брения, Сам же, будучи теперь рождаемым [по плоти], сотворил Себе тело из не имеющего нечистоты телесного естества [Девы]. Рука [Божия], удостоившая принять брение ради нашего создания, ныне удостоила принять нашу плоть ради нашего воссоздания. То, что Творец находится ныне среди Собственных творений, что Бог пребывает во плоти – есть слава Создателя, а не бесчестие Творца». Сам образ совершения этого удивительного зачатия Господа – не доступное рациональному человеческому уму таинство, совершившееся не только силой Его Божественного всемогущества, но также и благодаря сердечной молитвенной устремленности к Богу Самой Пречистой Девы, Ее смирению, а также горению Ее духа Божественной любовью и совершенной верой. Это безмужное зачатие произошло тогда, в день Благовещения, столь сокровенно, тихо, потаенно, в абсолютной духовной тишине, что оказалось целиком сокрыто от вселенной, от всего мироздания. Автор «Слова третьего на Рождество Христово», приписываемого святителю Амвросию Медиоланскому, образно сравнивает это сокровеннейшее событие зачатия Бога Слова по Его человечеству Пречистой Матерью с тихими, но животворными струями дождя, беззвучно падающими на нежнейшую и мягкую, всегда готовую впитать живительную влагу ткань из овечьей шерсти. Богоматерь подобна здесь тому руну, на которое, как писал в Ветхом Завете Псалмопевец, готов сойти благодатный дождь нашего спасения. Вот что говорит об этом автор гомилии: «А о том, что Спаситель наш должен был снизойти в Деву Марию столь тихо и потаенно, об этом уже давно предвозвестил пророк Давид, говоря: *Сойдет, как дождь на руно* (Пс. 71: 6 по старолатинскому переводу Библии[1]). Что бывает таким тихим и безо всякого звука, как не дождь, падающий на волну (то есть шерсть. – *П.М.*) руна? Этот звук падающего на руно дождя

[1] Старолатинский перевод Библии (известен с конца II века) осуществлен на латинский язык с греческого библейского текста – так называемой Септуагинты. Имел различные версии и редакции. Именно старолатинским переводом пользовались, например, священномученик Киприан Карфагенский и блаженный Августин. Постепенно старолатинский перевод оказался вытеснен на Западе из церковного употребления так называемой Вульгатой – новым латинским переводом, осуществленным в конце IV – начале V века блаженным Иеронимом Стридонским.

не достигает ничьих ушей, его водяные брызги не окропляют ничьих тел, а между тем дождь орошает все части самого руна, разливается по нему». Созвучно с ним проповедует и святитель Иоанн (Максимович): «Тихо, бесшумно сошел на землю и воплотился Сын Божий. Как капля росы падает на землю, так Сила Вышнего осенила Пречистую Деву, и родился от Нее Спаситель мира».

В течение девяти месяцев после события Благовещения Пречистая Дева, сделавшись пространнее самих Небес, где вечно пребывает Господь, носила во чреве Сына Божия, Второе Лицо Пресвятой Троицы, ставшее ныне истинным Человеком, воспринявшее совершенные людские душу и тело. Как говорит святитель Прокл, патриарх Константинопольский, в таком чревоношении Бога по Его человечеству «утроба Девы соделалась пространнее всей твари; Невмещаемый миром вместился пространно в утробе; Носящий все дланию Своею носится во чреве. Краеугольный камень (см. Дан. 2: 34) сверхъестественно возлежит в скудельном сосуде Девы, не только не повреждая природы Ее, но и утверждая вселенную».

Как же земная Жена может вместить в себя Небо, носить в Себе Самого Бога? *Бог наш есть огнь поядающий*, – говорит апостол Павел (Евр. 12: 29); как же тварное естество Девы могло принять в себя этот огонь, хранить его в своих глубинах и не попалиться им, не сгореть, не уничтожиться? Ответ на этот вопрос предлагает святитель Григорий Нисский. В «Слове на Рождество Спасителя» он припоминает древний ветхозаветный прообраз Богоматери – горевшую и не сгоравшую неопалимую купину, явленную пророку Моисею возле горы Синай при его призвании к пророческому служению. Вот что повествует об этом событии библейская книга Исход: *И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая* (Исх. 3:2–5). По убеждению церковных толкователей этого библейского рассказа, и Сама Богоматерь, и чудесное зачатие и рождение Ею Богомладенца Христа были прообразованы в Ветхом Завете тем горевшим и не сгоравшим терновым кустом, в котором Моисею в образе ангела явился Бог. Ведь не зря же и Сама Богородица символически именуется Церковью «Неопалимой Купиной» – «Несгорающим Кустом». Святитель Григорий Нисский учит: Пречистая Дева, имевшая, как и все мы, тварное и подверженное всем последствиям грехопадения первых людей человеческое естество, приняв в Свое девическое чрево и нося в нем Самого Бога – по Его человечеству, не была попалена, сожжена этим, наполнившим глубину Ее людской природы, всепожигающим огнем Божественного присутствия, но, напротив, целиком пребыла нетленна. «Сию тайну, мне кажется, предузнал и великий Моисей во время бывшего ему Богоявления в огне, когда огонь попалял купину (куст) и купина не сгорала (см. Исх. 3: 2). Что тогда предызображено было в пламени и купине, то в последствии времени ясно открылось в таинстве Рождения от Девы: как там купина горит и не сгорает, так и здесь Дева рождает Свет и пребывает нетленна».

Итак, чудо безмужного зачатия и Рождества Сына от Девы превосходит все мыслимые законы тварного естества. Как говорит об этом святитель Иоанн Златоуст, «я вижу Родившую, вижу Рожденного, а способа Рождения не постигаю. Побеждается природа, побеждаются пределы ее порядка, когда хочет этого Бог. Не по природе произошло это событие, но было чудом выше природы, потому что природа не действовала, а действовала воля Владыки». В событии Рождения Богомладенца целиком является не только полнота Его человечества, но и сила Его Божественного всемогущества, победившая любые возможные тварные ограничения: только Он мог сделать так, чтобы в мире исполнилось подобное – Дева зачала без мужа, родила и при этом осталась Девой. Как свидетельствует Иоанн Златоуст, «Дева родила так, как Рожденный Сам восхотел родиться. Не по закону природы это произошло, но, как Владыка природы,

Он употребил необычайный способ рождения, чтобы показать, что и делаясь Человеком, Он рождается не как человек, но рождается как Бог. Итак, сегодня Он произошел от Девы, победившей природу, превзошедшей брак. Источнику святости надлежало произойти от чистого и святого рождения».

Наконец наступает миг чудесного и девственного Рождества. И Родившая святого Богомладенца Дева, принимая Его на руки, питая Его Своим материнским молоком, заботясь о Нем, как и о любом другом земном ребенке, размышляет о ясном свидетельстве ангела в день Благовещения, припоминает исполняющиеся на Ней ныне слова библейских пророчеств, а также слышит свидетельства пастухов и волхвов и слагает их в Своем сердце. Она ясно видит и понимает, что Ее Сын есть одновременно еще и истинный Бог, Сын Божий, Творец неба и земли, а значит – и Ее собственный Творец. Как говорит об этом блаженный Иероним, *«А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем* (Лк. 2:19). Что это значит, когда евангелист говорит, что Она *слагала в сердце*? Вероятно, это означает бережное слагание Марией тех слов [пастухов] в Собственном сердце посредством глубокого о них размышления и сравнения с уже [дарованными Ей прежде] знамениями. Некто толкует это так: Она была святой Женой, читала Святые Писания, знала пророчества. Теперь Она спрашивала себя, размышляя в Своем сердце: не был ли ангел Гавриил послан к Ней с тем же [словом], которое прежде изрекали и пророки? *Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим* (Лк. 1: 35). Это произнес Гавриил. А вот что предрек Исаия: *се, Дева во чреве приимет и родит Сына* (Ис. 7: 14). Она читала второе; Она Сама слышала первое. Она взглянула на лежащего перед Ней Младенца, Который плакал в яслях, и узнала в Нем Сына Божьего. Но это был также и Ее Собственный Сын – Сын Единородный. И так Она смотрела на Него, мысленно сравнивая услышанное [от ангела] и прочитанное [у пророка] с тем, что Она познала теперь».

В связи с личностью Богоматери и Ее величайшей ролью в событии Рождества Христова святые отцы, авторы праздничных проповедей, вновь и вновь возвращаются к теме двух жен: древней и Новой Евы. Через посредство одной из них – ветхой Евы, вкусившей запретный плод от древа познания добра и зла, – в мир вошел грех. Через посредство другой – Новой Евы, Девы Богородицы – в мир вошло Спасение, вернее, Сам его Спаситель. Некогда именно жена дала восторжествовать в мире смерти, рожденной от вкушения ею смертоносного плода. Так ветхая Ева своим греховным поступком положила в этом мире начало смерти. Теперь же Новая Жена рождает уже не плод смерти, но, по выражению святителя Прокла, патриарха Константинопольского, напротив, «Плод Жизни»: Бога, Который и есть Начало и Источник всякой жизни и Сама Жизнь! Как говорит святитель Амфилохий Иконийский, «мир освобождается через Деву, прежде впадший через деву в грех».

Это противопоставление святой и греховной воль, решений и поступков двух дев – Евы и Марии, берет свое начало еще в событии Благовещения, где свободное принятие Богородицей слова архангела Гавриила противостоит древнему принятию ветхой Евой искусительного совета ангела-богопротивника. Как говорит святитель Петр Хрисолог, «отсюда, братья, и в Рождестве Христовом совершается вот какой порядок. К деве [Еве] приходил дьявол, к Деве Марии приходил ангел, чтобы то, что ниспроверг злой ангел, исправил бы ангел благой. Первый [ангел] обратил [деву Еву] к неверию, второй же [ангел Деву Марию] – к вере. Та поверила злому советчику, Эта же – Творцу Богу». Однако в полноте и своей предельной ясности это духовное противостояние двух дев – ветхой и Новой Евы – раскрывается именно в день Рождества Христова, в той Вифлеемской пещере, где миру явился рожденный Девой Младенец Христос. Этот смысловой параллелизм развивает в своем «Слове на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа» святитель Иоанн Златоуст: «Почему же Он (Христос) рождается от Девы и сохраняет девство неповрежденным? Так как в древности дьявол обольстил Еву, бывшую девой, то поэтому Гавриил благовествовал Марии – Деве.

Но обольщенная Ева произнесла слово, послужившее причиной смерти; а получившая благовествование Мария родила Слово во плоти, приобретшее нам вечную жизнь. Словом Евы указано древо, за которое Адам изгнан из Рая; а Слово, родившееся от Девы, явило Крест, чрез который разбойник на место Адама введен в Рай». Ту же самую мысль ярко формулирует и святитель Григорий Нисский: «жена спасена Женой: первая открыла вход греху, Другая – правде, одна склонилась на обольщение змея, Другая явила нам Истребителя змея и родила Родителя света; первая древом ввела грех, Последняя чрез Древо же (под Древом разумею Крест) внесла правду; плод этого Древа есть вечноцветущая и неувядаемая жизнь для вкушающих от него».

Именно Богоматерь стала Дверью и Источником нашего спасения. Ведь именно через Нее во вселенную вошел Спаситель – Сын Божий, Господь Иисус Христос. Именно через Нее, принявшую в Свое чрево *как дождь на руно* (Пс. 71: 6) Бога Слово, на мироздание излились потоки Воды Живой. Потому-то в дни Рождества Христова Церковь и прославляет Пречистую Матерь столь возвышенными и прекрасными словами. Богородица уподобляется святыми авторами праздничных проповедей Небесному херувимскому Престолу, на котором бывает носим ангельскими силами Сам Господь. Ныне таким престолом, по мысли святителя Луки Крымского, являются не только крылья горних херувимов, но и руки Преславной Богородицы. Она, по убеждению святителя Прокла, – Превысшая Небес и Славнейшая Рая, бесконечно превосходит их Своими величием и красотой, ибо носила в Себе Господа этих Небес и сделалась Матерью Того, Кто Сам создал Рай.

«Бог пришел на землю»: причины и смысл события Боговоплощения

Если бы Господь не явился на земле, не принял бы в Вочеловечении полноту нашего людского естества, то Небеса были бы для нас навеки закрыты. Человек не смог бы своими силами взойти на утраченную им с грехопадением Адама былую высоту, навсегда оставшись пленником диавола, рабом греха и смерти. Как учит святитель Лев Великий, «если бы Сам Создатель не снизошел до общности с творением и человеческую ветхость не призвал бы Своим Рождеством к новому основанию, то начиная *от Адама* и вплоть до последних времен *царила* бы *смертъ* (Рим. 5: 14) и на всех людях оставалось бы неразрешимое проклятие…». Но в мире явился Спаситель, истинный Сын Божий, Бог Слово, в чьей власти было победить духовную вражду греха и ада. Снизойдя на землю, Христос подлинно открыл для человеческого рода путь на Небеса. Как говорит об этом тот же святитель Лев, «принятием [человеческой] природы Он стал для нас ступенью, давая возможность восходить к Нему через Него…

Сошествие Создателя к творению есть также и восхождение верных к вечному».

С самого первого дня грехопадения человеческий род усиленно и непрестанно искал своего потерянного Бога. Даже удалившись от Творца в самые дальние края духовной богооставленности, погрузившись в непроглядную пучину языческой тьмы, низринувшись в бездонные пропасти нравственного падения, почти полностью утратив человеческий облик и лик, людской род по-прежнему не переставал искать истинного Бога. Ведь, по мысли святителя Петра Хрисолога, даже язычникам, в заблуждении создававшим ложных идолов, пусть и ошибочно, но все же казалось, что именно так они сумеют отыскать, увидеть и познать Того, Кого утратили вместе с их древней изменой подлинному Единобожию. Но и ветхозаветные праведники, пророки тоже стремились познать Бога именно через посредство обретения ими опыта Боговидения. Святитель Петр приводит здесь в пример пророка Моисея, а также псалмопевца царя Давида, молившихся о том, чтобы Господь зримо явился им, открыв их взору Свой Лик. *Итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то покажи мне лице Свое* (Исх. 33:13 по Вульгате), – просил Творца Моисей. *Покажи нам лице Свое* (Пс. 79: 4 по Вульгате), – обращался к Нему Псалмопевец. Эта жажда Богообщения именно как Боговидения подлинно снедала святых ветхозаветных праведников, являя Господу их предельную любовь к Нему и жажду встречи с Ним – лицом к Лицу. Как пространно и возвышенно говорит об этом святитель Петр в «Слове первом о Таинстве Воплощения», «когда пламя Божественной любви разжигало… человеческие сердца, тогда люди, уязвленные и исполненные этой Божественной любовью, опьяненные ею, стали с нетерпением жаждать увидеть Бога своими телесными очами. Но как ограниченное человеческое зрение может вместить Бога, Которого не вмещает целый мир? Однако закон любви не взирает на то, что бывает, или же на то, что может и должно произойти, или же на то, чему не следует быть и что не может случиться. Любовь не знает рассуждения, не подчиняется разуму, не ведает препятствий. Любовь не успокаивается, даже если ее цель и кажется недостижимой; она не исцеляется, пусть ее предмет и труднодоступен. Любовь если не достигнет желаемого, то даже умерщвляет любящего. Вот почему любящий устремляется туда, куда его влечет любовь, а не туда, куда ему подобало бы идти. Любовь порождает желание, умножает жар, и этот жар ширится и влечет [любящего] даже и к невозможному. И зачем много говорить? Любовь не может не видеть того, что она любит. Потому-то все святые, люди Божии, не вменяли ни во что свои заслуги [пред Богом], если они не видели Господа. И воистину, братья, как может кто-либо воздать благодарение и покорность за оказанные ему благодеяния, если он не увидит Подателя этих благодеяний? Или же как может кто-то убедиться в любви Божией к себе, если не заслужит и не удостоится увидеть Его Самого? Таким образом, любовь, желающая узреть Бога, даже если она и кажется безрассудной, однако обладает лишь ей одной

присущим упорством». Именно потому, по убеждению святителя Петра, Бог и избрал столь удивительный образ и способ нашего спасения: не просто победил грех, исцелил нашу духовную болезнь, даровал Свою освящающую благодать, но зримо явил нам Себя в Боговоплощении, в Собственном человеческом Рождестве. Как говорит святитель Петр, «потому-то Бог, знавший, что смертные мучаются и страдают от желания узреть Его, и избрал такое средство сделаться видимым, которое оказалось не только величайшим для земнородных, но и удивительным для небесных [ангельских сил]». Именно потому Он так поступил в отношении человеческого рода, «чтобы восставить его любовью, призвать благодатью, поддержать и укрепить его [Своим] милосердием, привлечь [к Себе] и заключить в Божественные объятия».

Святитель Григорий Богослов в своем «Слове 39-м. На святые светы явлений Господних», подобно святителю Петру Хрисологу, также говорит о том, что Боговоплощение, именно как земное Рождение Сына Божия, было необходимо для человеческого рода еще и ради того, чтобы у людей появилась большая, чем прежде, возможность теснейшего общения со Своим Богом. До мига Вочеловечения Слова Бог и человек были слишком разными: Духовный и телесный, Невместимый и вместимый, Вечный и временный, Неизменный и изменчивый, Невидимый и видимый. И вот, чтобы предельно приблизить Себя к спасаемому Им тварному и плотскому человеку, Бог Сам добровольно принимает на Себя – посредством Воплощения – нашу природную тварность и плотскость. По-прежнему оставаясь Истинным и Совершенным Богом, а значит, не претерпевая никакого изменения в отношении Своей вечной и совершенной Божественной сущности – то есть оставаясь Тем, чем Он был всегда, вечно, – Сыном Божиим, Он делается теперь еще и Тем, чем прежде не был, – Сыном Человеческим. При этом наша плоть оказывается в Нем по отношению к человеческому роду как бы некой посредницей между Творцом и Его творением, перекидываясь как спасительный мостик между Нетварным и тварным, духовным и материальным, Небом и землей. Как говорит об этом святитель Григорий в «39-м слове», в Воплощении «Сын Божий благоволит стать и именоваться и Сыном Человеческим, не изменяя того, чем был (ибо это неизменяемо), но, приняв то, чем не был (ибо Он человеколюбив), чтобы Невместимому сделаться вместимым, вступив в общение с нами через посредствующую плоть, как через завесу, потому что рожденному и тленному естеству невозможно сносить чистого Его Божества. Для этого соединяется несоединимое; не только Бог с рождением во времени, ум с плотью, довременное с временем, неограниченное с мерой, но и рождение с непорочностью, бесчестие с тем, что выше всякой чести, бесстрастное со страданием, бессмертное с тленным».

Главной целью Боговоплощения, пришествия в мир Сына Божия, того, что истинный Бог сделался еще и истинным Человеком, было спасение человеческого рода от власти сатаны, греха и смерти. Как говорит святитель Амфилохий Иконийский, ныне, в день Рождества Христова, «небо отверзлось, и земля на божественную высоту вознеслась, Рай людям возвращен и власть смерти уничтожена, сила тления попрана и прекращено пагубное почитание дьявола, человеческие страсти умерщвлены и возобновлена жизнь ангельского господства, заблуждение демонов осуждено и возвещены мудрость и всесвятое присутствие Бога». Будучи прежде духовно мертвым во грехах, человеческий род воскресает ныне силой и светом излившейся на него Божественной благодати и начинает жить новой жизнью. Как говорит об этом преподобный Иустин (Попович), «воистину Бог как человек на земле родился! Для чего? *Чтобы мы получили жизнь через Него* (1 Ин. 4: 9)».

Кроме того, святые отцы в своих праздничных проповедях на Рождество Христово не устают свидетельствовать о том, что плодом явления в мире Бога Слова стала новая встреча и затем новый обновленный союз любви и духовного единства в теле Церкви Христовой Бога и Его верных, их молитвенное общение с Ним и мистическое соединение с Господом в таинствах. И главнейшим из этих церковных таинств, по убеждению святых отцов, является Евхаристия – приобщение за Божественной литургией истинных Тела и Крови Сына Божия. Именно устрем-

ленность к Евхаристическому Приобщению, по убеждению святых отцов, и лежала в самом основании Боговоплощения: Бог пришел во плоти, чтобы дать нам ее в снедь, в пищу. На этой мысли решительно настаивает святитель Григорий Великий (Двоеслов), припоминая, что само название места, где родился Спаситель, – Вифлеем – означает в переводе «дом хлеба». Так на какой же иной хлеб может духовно указывать нам это название, как не на Тот, что за Божественной литургией делается истинным и собственным Телом Рожденного в Вифлееме *Хлеба Жизни* (ср. Ин. 6: 35)? На Кого оно указывает, как не на Того, Кто свидетельствует: *Я есмь хлеб жизни* (Ин. 6: 48)? На Кого, как не на Того, Кто наставляет: *Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (Ин. 6: 51)? На Кого, как не на Того, Кто ясно призывает Свою Церковь вкусить Его Евхаристическую Плоть: *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6: 54–56)? Как обобщает эту мысль святитель Григорий, «хорошо и то, что Он (Христос) рождается в Вифлееме, потому что Вифлеем значит „дом хлеба“. Ибо Сам же Он говорит: *Я есмь хлеб, сшедший с небес* (Ин. 6: 41). Следовательно, место, в котором Господь рождается, прежде наименовано „домом хлеба“ потому, что совершенно было предназначено к явлению на нем во плоти Того, Кто внутренним насыщением восстановит души избранным».

Принес нам Господь на землю и Свое спасительное учение, благодаря которому во Христе люди оказываются способны исполнить свое подлинное человеческое призвание – как достижение высокого и святого нравственного богоуподобления. Научение истине Христовой – еще одна из важнейших причин Боговоплощения и Рождества Бога в мире. Святитель Иоанн Златоуст в «Слове на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа» восклицает: «О, неизреченная благодать! Единородный, Сущий прежде веков, Неосязаемый, Простой и Бестелесный принял на Себя мое тленное и видимое тело. Для чего? Для того, чтобы, сделавшись видимым, научить, а научив, возвести нас к невидимому».

Кроме того, Сын Божий, сделавшись совершенным Человеком и так соединив со Своим Божеством наше человеческое естество, посредством Боговоплощения целиком исцелил в Себе нашу людскую природу. Вот как учит об этом в «Гомилии на Рождество Христово» святитель Василий Великий: «Рассмотри… причину того, как ты стал родственным Богу. Знай, что Бог [явился] во плоти потому, что следовало этой проклятой плоти освятиться, немоществующей обрести силу, отчужденной от Бога сродниться с Ним, изгнанной из Рая взойти на Небо. И что за орудие этого Домостроительства? Тело святой Девы (ср. Лк. 1: 27). А что за причина Рождения? *Дух Святой* и осеняющая *Сила Всевышнего* (см. Лк. 1:3 5)». Как наставляет своих слушателей в «Слове на Рождество Спасителя» святитель Григорий Нисский, «Бог нисходит и приобщается человеческой природе, чтобы вознести человечество на высоту Божественную». А вот что говорит об этом западный святой отец – святитель Лев Великий: в Боговоплощении «по великому могуществу Он (Христос) даровал свет помраченным, силу немощным, милосердие обездоленным, ибо Сын Божий принял человеческую природу и основу для того, чтобы восстановить нашу природу, которой положил начало, и уничтожить *смерть*, которую *не сотворял* (ср. Прем. 1: 13)».

Наконец, Сын Божий приносит нам посредством Вочеловечения и еще один из Своих величайших даров – способность достижения спасаемыми, по дару Божественной благодати, того духовного состояния, что принято именовать в христианском богословии и аскетике обожением. Мы, христиане, по слову апостола Петра, призваны стать *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1: 4), сделаться богами по благодати – хотя и оставаясь по-прежнему тварными людьми, но в то же время приобретая те высочайшие качества и совершенства, которыми Бог обладает по Своей природе. Именно здесь и может исполниться обращенный к нам призыв Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5: 48). Обожение,

осуществляемое в христианине действием Святого Духа, становится достижимо для верующих в результате Воплощения и Искупительной Жертвы Спасителя-Христа благодаря тому, что Сын Божий сделался истинным и совершенным Человеком. Он воспринял наше – человеческую природу, чтобы даровать нам Свое – Божественную жизнь. Сын Божий, став человеком, воспринял нашу человеческую природу и тем самым нераздельно и неразлучно соединил ее в Себе, в Своей Ипостаси, со Своей природой Божественной, а также наполнил ее Своими нетварными Божественными энергиями. Именно так Он не только исцелил ее в Себе от последствий греха, но и обожил, возвел в новое благодатное и совершенное состояние. Благодаря такому обожению нашей человеческой природы, осуществившемуся в Вочеловечившемся Христе, теперь уже и все верующие, соединенные с Ним в Его Церкви и таинствах, могут – приобщаясь освящающему дару этих нетварных Божественных сил – стать богами по благодати. Учение об обожении отражено в писаниях многих древних святых отцов. Так, например, священномученик Ириней в книге «Против ересей» утверждает: «Для того Слово Божие сделалось человеком и Сын Божий – Сыном Человеческим, чтобы (человек), соединившись с Сыном Божиим и получив усыновление, сделался сыном Божиим… Слово Божие сделалось тем, что мы есть, дабы нас сделать тем, что есть Он». Как кратко формулирует в «Послании против ариан» святитель Афанасий, «Сын Божий… сделался… человеком, чтобы в Себе нас обожить». Или же как емко определяет в «Главах о богословии и Домостроительстве» преподобный Максим Исповедник, «Бог Слово, Сын Бога и Отца, для того и стал Человеком и Сыном Человеческим, чтобы соделать человеков богами и сынами Божиими».

О том же самом говорят святые отцы и в проповедях на Рождество Христово. По мысли святителя Григория Богослова, формулируемой им в «Слове 38-м. На Богоявление, или на Рождество Спасителя», именно благодаря соединению при Боговоплощении в Лице, в Ипостаси Сына Божия двух природ, естеств – Божества и человечества, одно из них – Божество – обоживает, а другое оказывается «обожено». Святитель Лев Великий провозглашает: «Для того же Он (Сын Божий) стал Человеком нашего рода, чтобы и мы могли быть причастны Божественной природе (ср. 2 Пет. 1: 4)». А вот что говорит об этом высочайшем и удивительном даре обожения, возможность которого христиане приобрели посредством Боговоплощения, Рождества в Вифлееме Сына Божия, преподобный Иустин (Попович): «Воплощением, вочеловечением и очеловечением Своим Бог самым очевидным образом вошел в самую утробу, в недра человеческой жизни, вошел в кровь, в сердце, в центр всего сущего. Вытесненный добровольным человеческим грехом из мира, из тела, из человеческой души, Бог Воплощением, Вочеловечением возвращается в мир, в тело, в душу, Весь становится человеком и, будучи им, трудится для человека, вселяется в мир и среди твари промышляет о твари, освящает тварь, спасает тварь, преображает тварь, обоживает тварь».

Итак, исцеление человеческого рода, его освобождение от власти сатаны, греха и смерти, приходит к нам во Христе, через спасительные Воплощение, Рождество, а затем Крестную Смерть и Воскресение Сына Божия. Как говорит в «Слове на Рождество Спасителя» святитель Григорий Нисский, «через человека (Адама) – смерть, через Богочеловека – спасение. Тот впал в грех, Этот воздвиг падшего». По мысли святителя Григория Богослова, Господь приходит в мир и рождается в нем, «чтобы мы, ниспавшие из благобытия через грех, снова были в него возвращены через Воплощение». Именно так, Им и в Нем, силой Христовой и во Христе, разделив с Ним не только плоды Его победы над грехом и смертью, но также и живя с Ним единой и неразрывной жизнью в мистическом единстве Его Церковного Тела, мы обретаем спасение. Со-распинаясь и со-уми-рая в Нем для греха, а затем и со-воскресая с Ним, мы обретаем вечную жизнь и вечную славу в Богочеловеке Христе. Как говорит обо всем этом в день празднования Богоявления – Рождества Христова святитель

Григорий Богослов, «таково наше торжество; вот что празднуем ныне – пришествие Бога к человекам, чтобы нам переселиться или (точнее сказать) возвратиться к Богу, да, *отложив*

ветхого человека, облечемся в нового (ср. Еф. 4: 22–24), и как умерли в Адаме, так будем жить во Христе (1 Кор. 15: 22), со Христом рождаемые, распинаемые, спогребаемые и совосстающие».

Рождество Христово: смирение и слава Вифлеемской пещеры

Новорожденному Младенцу в Вифлеемской пещере было очень холодно. Зимняя стужа прорывалась через открытый всем ветрам вход в вертеп, властвовавшая под землей сырость оставляла темные потеки на побеленных изморозью каменных стенах, а сено в кормушке для скота больно кололо мягкую детскую кожу сквозь простую и грубую ткань пелен. Так пристало ли Сыну Божию такое – первое для Него – земное жилище? Разве в подобном месте надлежало Родиться Спасителю мира? «О, как умалил Себя Сын Божий в Своем Воплощении!» – с удивлением и благоговением восклицает святитель Филарет Московский в «Слове на Рождество Христово», произнесенном в 1826 году, поражаясь предельному уничижению – унижению, явленному в смиренном Рождестве Богомладенца Христа.

По убеждению святых отцов, в обстоятельствах Рождения Богомладенца – и во внешнем облике темной и холодной Вифлеемской пещеры, и в грубой простоте яслей, кормушки для скота, где лежал согреваемый дыханием вола и осла Новорожденный, – возможно угадать яркий символический образ нашей порабощенной грехом вселенной и падшего человечества. Вот как размышляет об этом в «Слове на Рождество Спасителя» святитель Григорий Нисский: «Что значит пребывание Владыки в вертепе и возлежание в яслях?.. Видя вертеп, в котором рождается Владыка, приводи себе на мысль тьму и мрак, в которые был погружен человеческий род в то время, когда Господь явился сидящим во тьме и сени смертной. Повитие пеленами знаменует то, что Он возлагает на Себя узы грехов наших. В яслях, где питаются бессловесные [животные], Слово рождается для того, чтобы *вол* познал *владетеля своего, и осел – ясли господина своего* (Ис. 1: 3). Под волом разумей подчиненного закону [– иудея]; а осел, как животное, носящее тяжести, обозначает обремененного грехами идолослужения [– язычника]. Пища, свойственная бессловесным для их жизни, есть трава, как и пророк говорит: *Ты производящаешь траву для скота* (Пс. 103:14); а животное разумное [– человек –] питается хлебом. Итак, снисшедший с Неба Хлеб Жизни предлагается в яслях, кормушке для бессловесных, для того, чтобы неразумные, вкусив разумной пищи, пришли в разум. В яслях, приюте вола и осла, возлег Господь их для того, чтобы, *разрушив стоявшую посреди преграду* (ср. Еф. 2: 14), обоих воссоздать чрез Себя в одного нового человека: с первого сняв тяжелое ярмо закона, а последнего освободив от бремени идолослужения».

Говоря о холодной и темной пещере Рождества, в которой явился в мир Сын Божий, святые отцы настаивают на том, что внешняя убогость и нищета Вифлеемского вертепа отнюдь не могла унизить Его Божественного достоинства. Напротив, именно это смирение Богомладенца и стало началом Его подлинной славы – жертвенной и смиренной славы Спасителя человеческого рода, добровольно принявшего за нас Страдание и Смерть. В то же время, по мысли отцов Церкви, в родившемся в ту ночь в маленькой Вифлеемской пещере Младенце не сумел признать, угадать Сына Божия даже сам диавол – настолько велика была внешняя уничиженность Бога Слова. Как говорит об этом святитель Иоанн Максимович, «даже сам князь тогдашнего мира сего, гордый противник Божий – дьявол, оказался обманутым и не узнал в Родившемся Того, Кому позавидовал, когда еще был ангелом. Сокровенная от его власти предвечная тайна о спасении рода человеческого могла познаться лишь теми, кто внимают голосу с неба и туда устремляют свои взоры».

Итак, в ту ночь на землю пришел Сын Божий, но поначалу об этом не узнал почти никто из живущих. Родившая Его Мать, старец Иосиф, несколько пастухов да иноплеменники и странники волхвы – вот все те, кого тогда осияла радость Рождества Христова. Как говорит об этом тихом и смиренном, абсолютно незаметном для человеческого рода, Вифлеемском Рождестве Сына Божия автор «Слова третьего на Рождество Христово», приписываемого святи-

телю Амвросию Медиоланскому, «итак, сегодня наш Спаситель родился по плоти. Он родился настолько тайно, настолько смиренно, что мир совсем не узнал тогда о Рождестве Его…». Как размышляет о том же в «Слове на Рождество Христово» 1826 года святитель Филарет, Сын Божий «как новорожденный Младенец, во всю область смерти приносящий надежду возрождения и жизни, приходит – но погибельная земля не сретает, не объемлет, не прославляет, даже не видит своего Спасителя и не слышит Слова Божия, безмолвствующего в яслях. Почти тщетно *слава*, которую Иисус Христос *имел* у Бога Отца *прежде бытия мира* (Ин. 17:5), в устах ангелов преследует Его, сходящего в мир, и достигает вслед за Ним – даже до земли: на погибельной земле почти нет не оглушенных суетой ушей, способных слышать оную. Почти тщетно мудрейшая и знаменитейшая из звезд совершает необычайный путь, дабы указать просиявающее сквозь глубокую ночь Солнце Правды: способных уразуметь сие указание и готовых последовать оному едва найдется два или три человека, и то между сидящими во тьме и в смертной сени язычества и звездопоклонения».

Всему миру тогда было не до Христа, во всяком случае, – не до такого Христа. По мысли святителя Иоанна (Максимовича), язычникам была чужда сама мысль о пришествии в мир Спасителя; иудеи же ждали совсем иного Христа-Мессию: могучего царя, который должен был избавить их от ненавистного римского владычества. Как пишет святитель Иоанн, «мир не заметил великого дела, совершенного Богом. Люди были заняты каждый своими заботами, внимание их было направлено на дела житейские и на громкие мирские события. Рим укреплял свою власть над народами и свою государственную мощь. Греция развивала искусства и предавалась утонченному служению плоти. Восточные народы пытались в явлениях природы найти ответы на все запросы духа. Иудеи горячо жаждали освобождения от чужеземной власти и ждали избавителя в лице Мессии – земного царя… И никто не ждал Спасителя кроткого и смиренного сердцем, облеченного не земной, а небесной славой… Никто из живущих на земле не представлял себе, что в таком убожестве появится Избавитель и придет к людям Царствующий над всеми тварями». Согласен с ним и блаженный Иероним, также ярко говорящий о том, что в Иудее не ждали такого Христа. В ту пору вера иудеев и их чаяния были совсем иными. Потому-то, хотя Господь и *пришел к своим* – к богоизбранному народу, эти *свои Его не приняли* (Ин. 1: 11). Размышляя об этом, блаженный Иероним в первую очередь припоминает евангельское свидетельство апостола Луки о том, что для Святого семейства не нашлось *места в гостинице. «Потому что не было им места в гостинице* (Лк. 2: 7). Хорошо сказано, что в городе не нашлось для Него *места*, ведь весь город тогда заполнило иудейское неверие. Потому-то Христос и не нашел Себе места в Святая святых, где все блистает золотом и драгоценными камнями, где переливаются шелк и серебро. Нет, Христос рождается не посреди золота и роскоши, но среди навоза, в стойле для скота (ведь где стойло, там и навоз); и это означает, что [в Своем Рождении] Он как бы был окружен со всех сторон нашими прегрешениями – подобными навозу, но еще более омерзительными, чем он. Однако Он родился в переполненном навозом стойле как раз ради того, чтобы возвести отсюда тех, кто к этому стремятся: *Из праха поднимает бедного* (Пс. 112: 7). Он родился на том же самом гноище, где сидел и Иов, который был здесь затем увенчан». Однако именно добровольное смирение Сына Божия стало началом Его – а вместе и нашей – победы. Как подчеркивает блаженный Иероним, «Всемогущий Бог спас нас не тогда, когда возгремел на Небесах (ср. 2 Цар. 22:14), но тогда, когда заплакал, как Младенец. Зачем я говорю вам обо всем этом? Потому что нас может спасти не внешнее величие, не гордыня, но только смирение. Сын Божий оказался почитаем не тогда, когда Он пребывал на Небесах, а когда Он снисшел на землю – тогда Ему и поклонились. Прежде Он содержал в Своей власти солнце, луну и ангелов, но не был поклоняем; а ныне Он родился на земле совершенным и всецелым Человеком ради того, чтобы исцелить целый мир».

Святые отцы повторяют вновь и вновь: победа Христа осуществилась именно через посредство Его уничижения, слава Сына Божия открылась и восторжествовала именно в Его

смирении. Вот как ярко свидетельствует об этом святитель Иоанн Златоуст в «Слове на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа»: «что я скажу или о чем стану беседовать? Чудо изумляет меня. *Ветхий днями* (Дан. 7: 22) сделался Младенцем; Восседающий *на престоле высоком и превознесенном* (Ис. 6:1) полагается в яслях; Неосязаемый, Простой, Несложный и Бестелесный осязается человеческими руками; Расторгающий узы греха повивается пеленами – потому что Он так хочет. Он хочет бесчестие обратить в честь, бесславие облечь славой, в пределах унижения показать образ добродетели. Поэтому Он принимает мое тело, чтобы я вместил Его Слово, и, приняв мою плоть, дает мне Своего Духа, чтобы, и давая и принимая, сообщить мне сокровище жизни. Он принимает мою плоть, чтобы освятить меня; дает мне Своего Духа, чтобы спасти меня».

При этом оказывается, что в таком добровольном самоуничижении для Божественного достоинства Спасителя нет ничего (в нашем обыденном понимании этих слов) ни унизительного, ни постыдного. Настаивая на этом, святитель Петр Хрисолог в «Слове первом о Таинстве Воплощения» подчеркивает: «дорогие и возлюбленные, пусть никто не думает, что оскорбительным для Бога стало Его пришествие к людям через человеческое посредство [– через Его Матерь], и принятие Им от нашего [– восприятие Им человеческой природы]». Становясь человеком, Бог как бы добровольно «обессиливается», будучи отныне полностью зависимым от окружающего Его жестокого мира бессловесным Младенцем. В то же время Он неотступно пребывает в прежнем Собственном величии – на Небесах, все так же продолжая заботиться о Своем творении – не только как пришедший ныне в мир Спаситель и Искупитель, но и как Всемогущий от века Промыслитель вселенной.

Тем самым в Рождении Сына Божия в ледяной и темной Вифлеемской пещере для Него, конечно же, нет никакого позора – как какого-либо уничижения Его Божественного достоинства. Напротив, в этом Его смирении и внешнем уничижении как раз и явилась жертвенная слава Сына Божия – как Его готовность пойти на все по любви к человечеству, принять любое внешнее поругание, людское презрение и равнодушие, чтобы спасти мир и человеческий род. Обращаясь к своим слушателям, святитель Иоанн Златоуст не устает поражаться степени такого добровольного уничижения Господа, через посредство которого осуществилось дело нашего спасения. Святитель Иоанн в «Слове на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа» вопрошает с церковного амвона: «Видишь ли ты богатство в этой великой нищете? Как Он, богатый, стал бедным ради нас? Как Он не имел ни ложа, ни постели, но был положен в голых яслях? О, бедность, служащая источником богатства! О, безмерное богатство, имеющее вид бедности! Он лежит в яслях и потрясает вселенную; повивается пеленами и расторгает узы греха; еще не произнес членораздельного звука и научил волхвов и указал им путь к возвращению». Более того: Вифлеемская пещера обращается благодаря Его присутствию из места внешнего унижения в палату славы, из темной ледяной щели в толще земли в небесный храм Богочеловеческой любви Творца к Собственному созданию, из места кажущегося торжества над Сыном Божиим человеческого презрения, позора в место первой победы Воплощенного Слова над властью сатаны, греха и смерти. Как учит святитель Лука (Войно-Ясенецкий), «вертеп, в котором произошло это глубокое таинство, стал поистине Небом, ибо в нем явился Бог. Малые ясли, из которых кормились животные, вместили Невместимого всей вселенной Бога».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.